

1

Дом был великолепен. Два полноценных этажа и мансарда плюс огромный подвал. Сложен он был из бруса, обшит блок-хаусом, внутри обит вагонкой, крыша — металлочерепица. С первого этажа на второй вела довольно широкая двухмаршевая лестница, а на мансарду — поменьше и покруче. В первый день после переезда Вероника носилась как метеор с первого этажа на третий, ее глаза восторженно горели, она поминутно делала пометки карандашом в блокнотике.

— Смотри, Егор, вот тут будет огромный угловой диван! На два угла! А тут стол, большой, раздвижной. А что? Гостиная пятьдесят метров! С ума сойти, целых пятьдесят метров, просто не верится. Представляешь, как классно будет, когда привезут новую кухню?

Прежний кухонный гарнитур, оставшийся от бывших хозяев, Веронике категорически не понравился, он был в стиле ретро, а ей хотелось что-то лаконичное и современное. Поэтому она безжалостно отправила его на помойку, оставив на время лишь раковину, рабочий стол, на котором можно было готовить, и выдавшую виды газовую плиту.

— Тут поставим электрокамин, помнишь, тот, который мы видели в «Доме мебели». Помнишь?

Егор смотрел на сияющую жену и снисходительно улыбался.

— Помню, солнышко, конечно, помню. Обязательно купим его. Прямо в эти выходные.

Вероника застыла с карандашом в руке.

— Да ты что, в эти выходные! Тут же нужно все переделывать! Доводить до ума. Пол, например, меня совсем не устраивает. Мне не нравится половая доска!

— По-моему, отличная доска. Чем она тебя не устраивает?

— Я хочу ламинат. Белый, с эффектом состарившегося дерева. И потом мы купим такой же комод, я видела в авторском каталоге. Он, конечно, дорогой, но это стоит того. Егорчик, милый, пожалуйста, положим ламинат? — Она умоляюще поглядела на мужа.

— Нукусик, ну если ты так хочешь... — Он подошел и обнял ее.

— Ура, ура! — Вероника вырвалась из мужних объятий и вихрем взлетела на второй этаж. Сверху раздавался ее звонкий голосок. — Тут будут три спальни. Одна наша, одна гостевая. А одна... — она высунулась из лестничного пролета, — одна для маленького. Да?

— Осторожно, Ника, ты свалишься! Разве можно так? — На лице Егора отразился испуг.

Вероника весело расхохоталась.

— Я? Свалюсь? Да ни в жизнь. Ты не ответил на вопрос. — Она перестала смеяться и с ожидани-

ем глядела на него. Лицо ее было нежным и вдохновенным.

Он улыбнулся.

— Разве я против, солнышко? Конечно, у нас будет комната для маленького.

— А сам маленький?

— Ну раз есть комната, значит, будет и хозяин.

— Милый, я тебя обожаю! — Вероника послала Егору воздушный поцелуй и скрылась наверху.

Потом они ужинали в огромной и пустой гостиной, прямо на полу, проигнорировав маленький столик, временно предназначенный для трапезы. Расстелили плед, расставили на нем нехитрые закуски: тарелочку с сыром дорблю, яблоки, шоколад и бутылку охлажденного белого вина. Вероника зажгла свечи, и они с Егором оказались в дрожащем, неровном кругу тусклого света, за краями которого царил густой сумрак.

— Выпьем за наш дом. — Она подняла бокал и серьезно взглянула на мужа. — Я верю, что он принесет нам счастье. Да, да, Егорушка, мы будем тут очень счастливы. Ведь правда?

Вместо ответа он привлек ее к себе и поцеловал. Ужин завершился отличным сексом, прямо тут же, на пледе. Уже в полудреме Вероника почувствовала, как Егор осторожно подхватил ее на руки и понес наверх. Он положил ее на кровать, заботливо укрыл одеялом.

— Спи, солнышко.

— Я люблю тебя, — сквозь сон прошептала Вероника и провалилась в сладкое забытие.

После вина и любви спалось отлично. Вероника проснулась в девять. Потянулась в постели, протерла слезящиеся глаза. Глянула на соседнюю подушку — пусто. Егор уже уехал на работу. На тумбочке была записка: «Солнышко, вернусь поздно, у нас сегодня сверхурочные. Пожалуйста, не бегай быстро по лестницам. Целую, твой Е.».

Вероника перечитала записку пару раз, чмокнула бумажку и, как была, голышом, прыгнула с кровати и подошла к окну. На дворе было белым-бело. Кусты рябины напоминали клюкву в сахарной пудре. Сугробы пестрели следами птичьих лапок.

— Красота какая, — с восторгом выдохнула Вероника и побежала одеваться.

У нее со вчерашнего дня был составлен список дел на сегодня: отмыть раковину в ванной, выгрузить из чемоданов одежду и развесить наверху в гардеробной, сшить шторы в спальню и детскую, ну и немного поработать — это святое. Она не спеша приняла душ, натянула спортивный костюм, сварила себе кофе и принялась надраивать раковину. Через двадцать минут та блестела зеркальным блеском. «И не нужно новую покупать», — удовлетворенно подумала Вероника. Она с чувством и толком расставила на стеклянной полочке флаконы и тюбики, самодельное мыло в красивой мыльнице, стаканчик с зубными щетками. Протерла и без того чистый пол и пошла наверх разбирать привезенную из Москвы одежду.

К одиннадцати часам ее одолел голод. Вероника спустилась вниз и приготовила на газу яичницу с ветчиной. Подкрепившись и выпив еще чашку кофе, она засела за ноутбук. Вероника работала на удаленке, вела бухгалтерию одной маленькой фирмы. Сказать по правде, работой она особо не дорожила, денег у них с Егором и так хватало. Он был совладельцем автосервиса, приносящего неплохой доход, кроме того, Веронике на свадьбу отец подарил кругленькую сумму, открыв на ее имя счет в банке. Молодожены старались эти деньги без надобности не трогать, а проценты периодически снимали и тратили.

Однако совсем уж полная праздность не соответствовала характеру Вероники, потому она с удовольствием согласилась на предложение бывшей однокурсницы взять одну из ее халтур. Работала Вероника легко и быстро, только глаза в последнее время стали уставать от бесконечных цифр, острота зрения упала, и для того, чтобы разглядеть далекие предметы, приходилось шуриться. Егор ругался и требовал, чтобы жена оставила работу. Мол, пусть лучше занимается хозяйством.

Но сидеть целый день в четырех стенах невообразимо скучно. Даже если эти четыре стены — огромный дом. Поэтому Вероника продолжала свои бухгалтерские труды, чередуя сидение за экраном с более подвижными занятиями. Сейчас ей работалось особенно хорошо: строчки и колонки послушно строились в ряды, как солдаты по приказу главнокомандующего, на душе было радостно и легко. Казалось, стены дома излучают какую-то особую энергетику, находиться в нем

необычайно приятно и комфортно. «Поработаю еще чуть-чуть и выйду на улицу», — решила Вероника.

В это время со двора послышались странные звуки. Это были не то удары, не то скрежет или и то и другое одновременно. Она вскочила из-за стола и глянула в окно. Калитка сотрясалась, кто-то с силой дергал ее снаружи. Вероника сбежала вниз по лестнице, накинула пуховик, сунула ноги в угги и вышла на крыльцо.

— Эй, кто там? Не надо так дубасить, я сейчас открою.

Она подошла к калитке и отодвинула засов. Перед ней стоял седой человек в лохмотьях. Лицо его было красно-сизым от холода, на всклокоченных волосах с трудом держалась маленькая вязаная шапочка, на ногах болтались огромные валенки. «Бомж», — со страхом подумала Вероника.

— Вы кто? Что вам нужно?

Седой глянул на нее из-под нависших кустистых бровей и, откашлявшись, хрипло произнес:

— Это мой дом.

— Ваш дом? — Вероника невольно отступила на шаг назад, продолжая с испугом разглядывать странное существо, стоящее перед ней.

— Да, мой. Пустите, я войду.

Она опомнилась и взяла себя в руки.

— Нет. Ни в коем случае. Дом наш. Мы с мужем купили его. И... нам сейчас не до гостей. Поэтому простите...

— Это мой дом, — как попугай, повторил бомж и переступил с ноги на ногу.

Вероника поняла, что он мерзнет — валенки были дырявые, одежда тоже. Ей стало жалко его, несмотря на брезгливость, которую вызвал его внешний вид.

— Послушайте, мне очень жаль, — проговорила она мягче. — Но в этом доме был хозяин. Он продал его, а мы с мужем купили. Теперь мы хозяева. Хотите, я принесу вам горячего чая? С печеньем.

— Не хочу. — Бомж упрямо мотнул косматой головой. — Мне нужно зайти. Я кое-что тут оставил. Мне надо это забрать.

— Но дом пуст. Там ничего нет, мебель мы привезли свою. И я... я не хочу, чтобы на участок заходили посторонние.

Вероника пожалела, что у них нет собаки. Друзья и знакомые, когда узнали, что они купили дом, наперебой советовали завести пса. Плацкинино — маленькая деревушка, всего пять улиц, и пятидесяти домов не наберется. Охраны никакой, рядом лес. Собака будет в самый раз — никто не сунется на участок. Однако ни Вероника, ни Егор собак не любили и от этой идеи отказались. И вот сейчас Веронике стало ясно, что зря.

Оборванный и страшный человек стоял напротив нее, норовя оттеснить в сторону и проникнуть в калитку.

— Я не пущу на участок посторонних, — проговорила она тверже. — Сейчас приедет муж. Он у меня чемпион по боксу.

Последняя фраза вырвалась сама собой, видимо, от страха. Егор никогда не занимался боксом.

— Муж, — как эхо повторил бомж, пристально посмотрел на Веронику и качнул головой. — Не пустишь, стало быть?

— Нет. Чаю могу принести.

— Обойдусь и без вашего чая, — буркнул седой, повернулся и заковылял от нее по тропинке, протоптанной в сугробе, прямо в лес.

На мгновение Веронике показалось, что это не реальный человек, а какое-то сказочное существо наподобие лешего или домового. Она с трудом скинула с себя оцепенение и почувствовала, как руки саднит от мороза — рукавицы она не надела.

— Странный какой, — произнесла Вероника вслух и повторила: — Странный.

Она захлопнула калитку, заперла ее на ключ и пошла в дом. Там она разделась, села за стол и попробовала работать, но мысли скакали из стороны в сторону. Вероника ошиблась раз, затем другой и решительно закрыла ноутбук. Надо сделать паузу. Она достала телефон и набрала Егора. Он, по обыкновению, долго не подходил — как всегда, когда бывал на работе. Наконец в трубке раздался его голос:

— Да, солнышко, привет! Как ты?

— Я ничего.

— Голос какой-то кислый, — заметил Егор.

Вероника колебалась, говорить про бомжа или нет. Егору не до этого, у него и так целый день невротрепка. Все же она не выдержала и сказала:

— Знаешь, приходил некто.

— Некто? В смысле?

— Ну, какой-то странный человек. Старик. Весь в лохмотьях, страшный такой. Рвался в дом.

— Ты его пустила?? — В голосе Егора послышалась тревога.

— Нет, конечно, за кого ты меня принимаешь?

— Солнышко, а что он хотел? Что ему было надо?

— Он заявил, что это его дом.

— Бред. Мы же пробивали хозяина в полиции.

Все чисто, документы идеальные.

— Да я не говорю, что он хозяин. Скорее... скорее, сумасшедший. Несчастный бездомный безумец.

— Ты еще пожалей его, — недовольным тоном произнес Егор. — Надо было слушаться ребят и купить собаку.

— Я уже думала об этом. — Вероника слабо усмехнулась.

В трубке слышались отдаленные голоса.

— Вот что, солнышко, я сейчас занят. Не могу больше говорить. Постараюсь раньше приехать, но не обещаю. Ты заперла калитку?

— Да.

— Молодец. Дом тоже запри. На два замка. И не выходи до моего приезда.

— Хорошо. Егор!

— Что, милая?

— Ничего. Я тебя люблю.

— И я тебя, котик! Не скучай.

— Целую. — Она отключилась.

Хорошее настроение начисто улетучилось. На душе стало тревожно и тоскливо. Вероника не могла понять причину этой тоски. Подумаешь, какой-то бомж. Попробует он еще раз сунуться — Егор ему покажет кузькину мать. В конце концов, если уж на то пошло — заведут собаку. Черного ротвейлера, как у Вероникиной двоюродной сестры Гали. Назовут его, скажем,

Милорд. Или лучше Барон... Или... Она с досадой махнула рукой. Взъерошила короткие темные волосы и плюхнулась на маленький кожаный диванчик в углу.

О чем она думает? Не то, все не то. Думать надо о ребенке. Они женаты уже пять лет, ей двадцать восемь, Егору двадцать шесть. И все это время находилась какая-то причина, чтобы не беременеть: то хотелось пожить для себя, то съездить в Японию, то квартиру обставить. Теперь вот дом, в нем тоже масса дел, а значит, рождение малыша снова откладывается на неопределенный срок. А иногда хочется плюнуть на все, стать глупой и счастливой беременяшкой, капризничать, лелеять свой живот, мечтать по вечерам, как будут они с Егором гулять с коляской по округе...

Вероника почувствовала, что окончательно раскисла. В носу защипало, на глаза навернулись слезы. Она сердито вытерла их ладонью, встала, расстелила на полу коврик, включила музыку и принялась за упражнения. Эту гимнастику она нашла в интернете полгода назад и с тех пор не пропускала ни дня. После отжиманий и растяжек настроение неизменно повышалось, а вид стройной и подтянутой фигуры в зеркале добавлял лишние баллы.

Закончив зарядку, Вероника занялась приготовлением ужина. Егор всегда обедал на работе, но ужинать у них в семье было принято основательно и с толком. Она кипятила воду, резала овощи, отбивала мясо. Постепенно тревожное чувство отпустило ее, а вскоре и вовсе сошло на нет. Позвонил Егор, сказал, что выехал из Москвы и через час с небольшим будет дома. Вероника выключила газ, накрыла маленький уютный

столик, слегка подкрасилась и сменила спортивный костюм на миленькое домашнее платьице. В ожидании мужа она села за швейную машинку и прострочила пару швов, обтачивая штору.

В семь послышался шум отворяемых ворот. Егор загнал машину на стоянку, щелкнул сигнализацией и поднялся на крыльцо.

— Привет, солнышко, я дома!

Вероника, улыбаясь, смотрела, как муж снимает кожаную куртку, ботинки, тщательно причесывает перед зеркалом красивые светло-русые волосы.

— Устал?

— Как собака. — Он одернул толстовку и надел тапочки. — Все-таки, как ни крути, далековато ехать. Минут сорок, если без пробок. А с пробками и все полтора часа.

— Бедненький ты мой. — Вероника подошла к нему и нежно поцеловала в губы. — Идем ужинать? Все готово.

— Да, идем. Но я сначала в душ. Умаялся за день, весь в мыле. Буду «благоухать» за столом.

Вероника втянула носом воздух, но не почувствовала ничего, кроме еле уловимого запаха ванили.

— Ты ел что-то сладкое? Пахнет ванилином.

— Угадала. — Егор усмехнулся. — Ну и нюх у тебя! Заехал во французскую пекарню, взял кофе и пару пончиков.

— И напрасно. Только аппетит перебил.

— Ничуть. Я голоден как волк. Вот такой страшный серый волк! Съем тебя! — Егор шутливо щелкнул зубами и схватил Веронику пониже талии. Она взвиз-